

Матвей Антонович
Куренков

Братишка Матвейка

Там, где вера
творит чудеса

ПРАВОСЛАВНОЕ И

СОЦИАЛЬНОЕ ФЭНТЕЗИ

Матвей Куренков

Братишка Матвейка

«Автор»

2026

Куренков М. А.

Братишка Матвейка / М. А. Куренков — «Автор», 2026

Эта светлая история о мальчике Матвее, который, казалось бы, не обладал никаким особым даром: он не видел духов, не слышал голосов и не умел того, что умели другие дети. Но именно в нём открылся самый редкий и самый важный дар — дар любви. Дар, который делает людей родными, согревает сердца, прощает обиды и меняет жизни. Матвей попадает в Школу Духа, где встречает Ваню — тихого, одинокого мальчика, которого все отвергли. Одно сказанное от сердца слово — «это мой брат» — становится началом большой истории о настоящем братстве, милосердии и вере. Это книга о том, что настоящий дар — не в силе и не в волшебстве, а в способности любить, быть рядом и делать мир вокруг добрее.

© Куренков М. А., 2026

© Автор, 2026

Матвей Куренков

Братишка Матвейка

Книга
Братишка Матвейка

Авторы:

Глазов Николай Александрович

Куренков Матвей Антонович

Жанр: православное фантази

Посвящение:

Эта книга посвящается родному младшему братишке Матвею и написана ко дню его рождения.

Аннотация:

Эта светлая история о мальчике Матвее, который, казалось бы, не обладал никаким особым даром: он не видел духов, не слышал голосов и не умел того, что умели другие дети. Но именно в нём открылся самый редкий и самый важный дар — дар любви. Дар, который делает людей родными, согревает сердца, прощает обиды и меняет жизни.

Матвей попадает в Школу Духа, где встречает Ваню — тихого, одинокого мальчика, которого все отвергли. Одно сказанное от сердца слово — «это мой брат» — становится началом большой истории о настоящем братстве, милосердии и вере. Это книга о том, что настоящий дар — не в силе и не в волшебстве, а в способности любить, быть рядом и делать мир вокруг добрее.

Для семейного чтения, детям и взрослым.

Глава 1. Дар, которого не ждали

Морозное утро середины января выдалось на удивление тихим. Снег, выпавший ещё ночью, лежал на подоконниках ровным одеялом, и сквозь него едва пробивался бледный, почти призрачный свет зимнего солнца. В гостиной дома Кирилла и Василия пахло воском от свечей, которые хозяйка зажгла ещё с вечера, и чем-то тёплым, домашним — кажется, яблочным пирогом, оставшимся с Рождества.

Василий стоял у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. Его отражение — усталое, с тёмными кругами под глазами — смотрело на него самого, и он не сразу понял, что уже несколько минут просто смотрит сквозь себя. За спиной, в глубине дома, слышались приглушённые голоса: акушерка, жена, ещё какие-то женщины. Там, за закрытой дверью спальни, происходило то, чего он ждал девять месяцев — и чего боялся, пожалуй, всю свою сознательную жизнь.

— Вась.

Голос брата прозвучал мягко, но отчётливо. Кирилл вошёл в гостиную неслышно, как всегда, — он вообще умел появляться так, что его не замечали до последнего мгновения. На нём была простая домашняя рубаха, подпоясанная кожаным ремнём, и тёплые шерстяные носки, которые он, судя по всему, натянул впопыхах — один был надет наизнанку.

— Ты как? — Кирилл подошёл ближе, встал рядом, тоже посмотрел в окно. — Волнуешься?

Василий не ответил сразу. Он смотрел, как за стеклом медленно падают снежинки — крупные, ленивые, будто им было всё равно, куда лететь. Потом выдохнул, и пар от дыхания на мгновение затуманил стекло.

— Я не знаю, что чувствую, — признался он наконец. — Радость? Да, наверное. Страх? Тоже. Но больше всего... — он запнулся, подбирая слово, — ...пустоты. Как будто я стою на краю пропасти и не знаю, есть ли там дно.

Кирилл молча кивнул. Он не стал говорить банальных утешений вроде «всё будет хорошо» или «ты справишься». Он просто стоял рядом, и это молчание было почему-то теплее любых слов.

Из глубины дома донёсся первый крик — тонкий, пронзительный, но такой живой, что Василий вздрогнул всем телом. Он обернулся, сделал шаг к двери, но Кирилл мягко остановил его, положив руку на плечо.

— Подожди, — сказал он тихо. — Дай им пару минут.

Василий замер. Крик повторился, потом стих, и наступила тишина — густая, звенящая, в которой, казалось, можно было утонуть. А потом дверь спальни открылась, и акушерка — пожилая женщина с добрым лицом и усталыми глазами — выглянула в коридор.

— Василий, — позвала она негромко. — Иди сюда. У тебя сын.

Василий почувствовал, как ноги стали ватными. Он обернулся к брату, ища поддержки, и Кирилл ободряюще кивнул:

— Иди. Я здесь.

Спальня была пропитана запахом травяных настоев и свежего белья. Жена лежала на кровати, бледная, но улыбающаяся — той особенной улыбкой, которую Василий видел у неё лишь однажды, когда она впервые сказала ему, что беременна. На её руках, завёрнутый в мягкое одеяло, лежал младенец.

Василий подошёл, опустился на колени у кровати. Смотрел на крошечное лицо — сморщенное, красное, с закрытыми глазами — и не мог поверить, что это чудо имеет к нему хоть какое-то отношение.

— Матвей, — прошептал он. — Матвей Васильевич.

Жена слабо улыбнулась:

— Хорошее имя.

— Да, — согласился он. — Хорошее.

Он протянул руку и осторожно, кончиком пальца, коснулся щеки сына. Кожа была тёплой, мягкой, и в этот момент что-то в груди Василия перевернулось — будто внутри открылась

дверь, о существовании которой он даже не подозревал. За этой дверью был свет, и страх, и любовь — всё сразу, вперемешку, и он не знал, что с этим делать.

Вернувшись в гостиную, Василий обнаружил, что Кирилл уже развёл огонь в камине. Пламя танцевало, отбрасывая дрожащие тени на стены, и в комнате стало тепло — почти душно.

— Ну? — Кирилл обернулся, и в его глазах Василий увидел не просто вопрос, а что-то большее — надежду, смешанную с осторожностью.

— Мальчик, — сказал Василий, и голос его сорвался. — Матвей. Здоровый. Кричит так, что стёкла дрожат.

Кирилл улыбнулся — широко, искренне, как умел только он.

— Слава Богу, — сказал он тихо. — Слава Богу.

Василий подошёл к креслу у камина, сел, но тут же вскочил, не в силах усидеть на месте. Он прошёлся по комнате, потом остановился перед братом.

— Кирилл, — начал он, и в голосе его послышалась та самая тревога, которую он пытался скрыть всё это время. — Я должен спросить. Ты понимаешь, что я должен спросить.

Кирилл медленно кивнул.

— О даре.

— Да, — выдохнул Василий. — О даре.

Он снова сел, на этот раз — на край кресла, сжав руки в кулаки. Смотрел в огонь, и пламя отражалось в его глазах, делая их похожими на два маленьких солнца.

— Я не спал всю ночь, — признался он. — Думал. Вспоминал. Нашу мать, отца, бабушку... Всех, у кого был дар. Ты знаешь, что это значит для нашей семьи. Дар — это не просто... способность. Это ответственность. Это путь. Это...

— Это то, что делает нас нами, — закончил Кирилл.

— Да, — Василий поднял на него глаза. — А что, если у Матвея его не будет? Что, если он родится... обычным? Что тогда?

Кирилл молчал. Он смотрел на брата — на его осунувшееся лицо, на дрожащие руки, на отчаяние, которое тот даже не пытался скрыть. И в этом молчании Василий вдруг увидел ответ, которого боялся больше всего: Кирилл тоже не знал.

— Что тогда? — повторил Василий, и голос его сорвался на крик. — Что, если мой сын будет... пустым? Что, если он не сможет делать то, что делаем мы? Что, если он не увидит то, что видим мы? Что, если...

— Вася, — Кирилл поднялся, подошёл к нему, опустился на корточки рядом с креслом. Положил руку на плечо брата, крепко, так, чтобы тот почувствовал, что он не один. — Вася, послушай меня.

Василий замолчал. Смотрел на брата — старшего, всегда спокойного, всегда уверенного — и ждал. Ждал чуда. Ждал ответа. Ждал хоть чего-нибудь.

— Пойдём на кухню, — сказал вдруг Кирилл. — Заварим чай. Поговорим.

— Я не хочу чай...

— А я не спрашиваю, хочешь ты или нет, — Кирилл улыбнулся. — Пойдём. Тебе нужно что-то в руки, иначе ты сломаешь себе пальцы.

Василий посмотрел на свои руки — действительно, пальцы были сжаты так, что побелели костяшки. Он медленно разжал их, вздохнул и кивнул.

— Ладно. Пойдём.

Кухня в доме Кирилла была маленькой, но уютной. Здесь пахло травами — пучки сушёной мяты, чабреца и зверобоя висели под потолком, — и старым деревом от столешницы. Кирилл подошёл к плите, поставил чайник, а Василий опустился на табурет у стола, наблюдая за братом.

Тот двигался размеренно, неспешно — насыпал в глиняный чайник заварку, добавил щепотку чабреца, залил кипятком. Потом достал две кружки — простые, глиняные, с чуть облупившейся эмалью — и поставил на стол.

— Ты помнишь, как отец учил нас видеть? — спросил Кирилл, не оборачиваясь.

Василий кивнул, потом понял, что брат его не видит, и сказал:

— Помню.

— Он говорил, что дар — это не магия. Не волшебство. Это... — Кирилл запнулся, подбирая слова. — Это способность видеть то, что скрыто. Чувствовать то, что другие не чувствуют. Быть проводником.

— Я помню, — повторил Василий. — Он говорил, что дар — это как окно. У одних оно открыто, у других — закрыто, но есть.

Кирилл обернулся, держа в руках чайник с заваренным чаем. На его лице была та особенная улыбка — тёплая, чуть грустная, — которую Василий знал с детства.

— А помнишь, что он говорил про тех, у кого окно закрыто?

Василий задумался. Потом вспомнил — старый, сгорбленный отец, сидящий у камина, его тихий голос:

«У некоторых, сынки, окно закрыто. Но это не значит, что за ним ничего нет. Просто они видят мир по-другому. Через дверь. И знаешь, что за дверью? То же самое. Только путь другой.»

— Он говорил, — медленно произнёс Василий, — что закрытое окно — это не отсутствие дара. Это... другой путь.

— Именно, — Кирилл налил чай в кружки, и по кухне разнёсся тёплый аромат мяты и чабреца. — Именно, Вась. Дар — он ведь не только в том, чтобы видеть духов или читать мысли. Дар — это способность любить. Понимать. Быть рядом. Ты знал, что бабушка наша никогда не видела ангелов, но при этом могла успокоить любого человека одним прикосновением?

Василий нахмурился. Он не знал этого. Бабушка всегда казалась ему... обычной. Простой. Но теперь, вспоминая её, он понимал: в ней было что-то особенное. Что-то, что заставляло людей тянуться к ней.

— Она не видела, — продолжал Кирилл, садясь напротив. — Но она чувствовала. И этого было достаточно. Её дар был в другом — в умении любить так, что любой человек рядом с ней становился родным.

Он взял свою кружку, подул на чай, отпил.

— Матвей, — сказал он тихо. — Он только что родился. Мы не знаем, какой у него будет дар. Может быть, он будет видеть. Может быть, слышать. Может быть, чувствовать. А может быть — и такое бывает — его дар будет таким, что мы даже не сразу поймём, что это дар.

Василий смотрел на брата, и в его глазах медленно, неохотно, но всё же начинала разгораться надежда — робкая, как огонёк свечи в ветреную ночь.

— Ты думаешь?..

— Я знаю, — Кирилл отставил кружку, посмотрел брату прямо в глаза. — Я знаю, что у Матвея будет дар. Потому что дар — это не то, что даётся или не даётся. Это то, что растёт. Как дерево. Как цветок. Как любовь.

Он наклонился вперёд, и голос его стал совсем тихим — почти шёпотом:

— Но есть кое-что, что ты должен помнить, Вася. Дар — это не главное. Главное — это то, как ты его используешь. И если Матвей вырастет добрым, честным, любящим — это и будет его дар. Даже если он никогда не увидит ни одного ангела.

Василий молчал. Смотрел в свою кружку, на тёмную поверхность чая, в которой отражалось пламя свечи. Потом поднял глаза на брата.

— Ты веришь в это? — спросил он. — Правда веришь?

— Верю, — ответил Кирилл без колебаний. — И ты будешь верить. Со временем.

Он улыбнулся — той самой улыбкой, которая всегда успокаивала Василия в детстве, когда тот боялся темноты или слышал странные звуки по ночам.

— А теперь пей чай, — сказал он. — И перестань терзать себя. У тебя родился сын. Это чудо. Всё остальное — потом.

Василий медленно кивнул, поднёс кружку к губам. Чай был тёплым, чуть горьковатым от чабреца, но в этой горечи было что-то успокаивающее. Он сделал глоток, потом ещё один, и почувствовал, как напряжение постепенно отпускает его.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Не знаю, что бы я без тебя делал.

— Ничего бы не делал, — усмехнулся Кирилл. — Просто сидел бы и сходил с ума. А так — у тебя есть я. И у Матвея тоже.

Он протянул руку через стол и сжал запястье брата — крепко, по-настоящему.

— Мы справимся, — сказал он. — Всё будет хорошо.

Василий посмотрел на него — на этого человека, который всегда был рядом, который никогда не предавал, который верил в него больше, чем он сам, — и впервые за долгое время почувствовал, что, может быть, действительно всё будет хорошо.

За окном продолжал падать снег. Чайник на плите тихо посвистывал. А в спальне, за закрытой дверью, спал младенец по имени Матвей — и никто, даже Кирилл, не знал, что ждёт его впереди.

Десять лет спустя.

Кирилл сидел в своём кабинете — том самом, который занимал уже третий год, с тех пор как стал директором Школы Духа. Кабинет был просторным, но не роскошным: дубовый стол, кресло с высокой спинкой, шкафы с книгами вдоль стен, да окно во всю стену, за которым открывался вид на школьный двор.

Двор был пуст. Занятия закончились ещё час назад, и ученики разошлись по домам — кто в общежитие, кто к родителям, кто просто гулять по городу. Кирилл любил это время — тихое, спокойное, когда можно было подумать.

Он сидел за столом, просматривая бумаги — списки новых учеников, отчёты преподавателей, расписание на следующий семестр. Но мысли его были далеко. Точнее — в доме брата, который находился в двух днях пути отсюда.

Матвею исполнилось десять. И по традиции Школы Духа, в этом возрасте дети с даром должны были поступать на обучение. Кирилл ждал этого дня десять лет — с той самой ночи, когда стоял на кухне с братом и пил чай с чабрецом. Ждал, надеялся, верил.

Но были и сомнения.

Он отложил бумаги, откинулся в кресле, посмотрел в окно. За стеклом медленно темнело — зима в этом году выдалась долгой, и весна всё не приходила. Кирилл вздохнул, потёр переносицу.

За десять лет он видел много детей с даром. Одни могли видеть духов — смутно, как тени на периферии зрения. Другие слышали их голоса — тихие, как шёпот ветра. Третьи чувствовали их присутствие — холодок на коже, тяжесть в воздухе. Были и те, чей дар был ещё сильнее: они могли говорить с духами, касаться их, даже влиять на них.

Но Матвей...

Кирилл не видел его с прошлого Рождества. Тогда мальчику было девять, и он казался... обычным. Совершенно обычным. Играл с другими детьми, смеялся, задавал вопросы — бесконечные вопросы, на которые у Кирилла не всегда были ответы. Но ни разу — ни разу! — он не проявил ни малейшего признака дара.

Василий писал ему письма — короткие, тревожные. «Он не видит ничего, Кирилл. Я водил его в часовню, показывал иконы, читал молитвы — он просто смотрит и кивает. Как будто не понимает, о чём я. Что делать?»

Кирилл отвечал — успокаивал, убеждал, что всё придёт со временем. Но сам не был уверен. Он знал, что бывают случаи, когда дар проявляется поздно — в двенадцать, в пятнадцать, даже в восемнадцать. Но бывали и случаи, когда он не проявлялся вообще.

И тогда...

Кирилл встал, подошёл к шкафу, открыл дверцу. На полке, среди старых книг в кожаных переплётках, стояла небольшая шкатулка из тёмного дерева. Он достал её, открыл — внутри лежало несколько писем, перевязанных лентой. Письма от Василия. Все — за последние десять лет.

Он взял верхнее, развернул. Почерк брата был неровным, торопливым — как всегда, когда тот волновался.

«Кирилл, я не знаю, что делать. Матвей сегодня спросил, почему у других детей есть дар, а у него нет. Я не нашёл, что ответить. Соврал — сказал, что его дар ещё не проснулся. Он посмотрел на меня и сказал: "Пап, я думаю, у меня вообще нет дара. И знаешь что? Мне всё равно. Я просто хочу, чтобы люди были счастливы".

Что это значит, Кирилл? Что мне делать?»

Кирилл закрыл глаза. Он помнил этот момент — как читал это письмо впервые, как сидел в этом самом кабинете и не знал, что ответить. Тогда он написал что-то банальное — про терпение, про веру, про то, что всё образуется. Но сам не верил своим словам.

Он вернул письмо в шкатулку, закрыл её, поставил на место. Потом подошёл к окну, посмотрел на тёмнеющее небо.

Завтра он отправится к брату. Возьмёт Матвея — если тот захочет — и привезёт сюда. Не потому, что верит в его дар. А потому, что верит в него самого. В мальчика, который сказал отцу, что хочет, чтобы люди были счастливы.

Может быть, это и есть его дар, — подумал Кирилл. — Может быть, дар — это не способность видеть духов. Может быть, дар — это способность любить людей так, что они становятся родными.

Он вспомнил слова, которые сказал брату десять лет назад, на кухне:

«Её дар был в другом — в умении любить так, что любой человек рядом с ней становился родным.»

Тогда он говорил о бабушке. Но теперь, спустя десять лет, он понял: эти слова были пророческими. Матвей не видел ангелов. Не слышал голосов. Не чувствовал присутствия духов.

Но он любил людей. Так, как мало кто умел. И может быть — только может быть — это было важнее любого дара.

Кирилл отвернулся от окна, подошёл к столу, взял перо и лист бумаги. Написал коротко:

«Вася, я приеду завтра. Собирай Матвея. Мы едем в школу.»

Он сложил письмо, запечатал его воском, отложил в сторону. Потом снова сел в кресло, посмотрел на огонь в камине — и улыбнулся.

Божий Матвейка, — подумал он. — Мальчик, который любит людей. Мальчик без дара. Мальчик, который, может быть, и есть самый настоящий дар.

За окном окончательно стемнело. Где-то вдалеке завыл ветер — предвестник весенней бури. Кирилл закрыл глаза и стал ждать утра.

Глава 2. Мальчик, который любил людей

На втором этаже дома Василия, в комнате с выцветшими обоями в мелкий цветочек, царил полумрак. Шторы были задёрнуты — не потому, что кто-то хотел скрыться от солнца, а потому, что так было лучше видно экран. На кровати, поджав под себя ноги, сидел Матвей — десять лет, вихрастые русые волосы, веснушки на носу, которые он ненавидел и которые все вокруг находили милыми. На нём было старое худи серого цвета, купленное ещё два года назад и ставшее коротким в рукавах, и домашние шорты, из которых он давно вырос, но с которыми не желал расставаться.

Рядом, на полу, устроились двое его друзей. Серый — щуплый мальчишка с вечно взъерошенными волосами и очками, которые он постоянно поправлял указательным пальцем, — сидел, скрестив ноги, и сосредоточенно водил пальцем по экрану своего телефона. Алкаш — прозвище, которое прилипло к нему так давно, что уже никто не помнил настоящего имени, — лежал на животе, подперев голову руками, и время от времени фыркал, когда что-то шло не по плану.

Все трое были в наушниках — дешёвых, проводных, с перекрученными шнурами, — и в комнате стояла та особенная тишина, которая бывает только тогда, когда люди молчат, но при этом находятся в одном мире.

— Справа, справа, — прошипел Серый. — Он за ящиком.

— Вижу, — отозвался Матвей.

Он вёл палец по экрану, чувствуя, как сердце стучит быстрее обычного. В наушниках трещали выстрелы, слышались шаги — чужие, тяжёлые, — и где-то далеко, в виртуальном коридоре, притаился враг.

— Гранату кидай, — предложил Алкаш.

— Рано, — ответил Матвей. — Он ждёт.

Он чувствовал это — странное, почти животное чутьё, которое всегда приходило к нему в игре. Он знал, когда противник запаникует, когда побежит, когда затаится. Это было не то, чему можно научиться, — это было просто внутри него, как умение дышать.

— Матвей! — донёсся снизу голос матери. — Тебя отец зовёт!

— Сейчас! — крикнул он, не отрываясь от экрана. — Последний раунд!

— Ты всегда так говоришь, — вздохнула мать, но в её голосе не было злости — только усталая нежность.

Матвей улыбнулся, но тут же вернулся к игре. Враг выглянул из-за ящика — всего на мгновение, — и этого хватило.

Выстрел. Вспышка. Тишина.

— Есть! — заорал Алкаш, вскакивая на ноги. — Красава, Матвей!

— Чисто, — подтвердил Серый, снимая наушники. — Как ты его увидел?

— Не знаю, — честно ответил Матвей. — Просто почувствовал.

Он снял наушники, отложил телефон на кровать, потянулся. Руки немного затекли, спина ныла, но на душе было легко — как всегда бывает после победы.

— Ладно, пацаны, я вниз, — сказал он, вставая.

— Давай, — кивнул Серый. — Завтра продолжим?

— Ага. В то же время.

Алкаш уже снова улёгся на пол, листая что-то в телефоне, и не отреагировал. Матвей вышел из комнаты, прикрыл дверь и на мгновение замер в коридоре.

Дом был старый — скрипучие половицы, высокие потолки, запах дерева и пыли, который никуда не уходил, сколько бы ни убирались. Матвей любил этот дом. Любил его не за красоту — красивым его назвать было сложно, — а за то, что здесь всё было знакомым до последней трещинки на стене.

Он подошёл к лестнице, посмотрел вниз. Перила были гладкие, отполированные годами, и Матвей, не раздумывая, перекинул через них ногу и заскользил вниз — быстро, с шипением, как делал всегда, несмотря на запреты. Пол внизу был холодным, и босые пятки мгновенно замёрзли, но Матвей только улыбнулся. Он любил это ощущение — скорость, ветер в лицо, секунду полёта перед тем, как ноги коснутся пола.

— Матвей! — снова донеслось из гостиной. — Сколько раз можно говорить!

— Прости, мам! — крикнул он, уже шагая по коридору.

Гостиная была залита мягким вечерним светом. За окном уже темнело — зимой темнеет рано, и день проходит так быстро, что не успеваешь его заметить. На столе горела лампа под зелёным абажуром, и в её свете всё казалось чуть более тёплым, чем было на самом деле.

Василий сидел в кресле у камина. Он выглядел старше своих лет — седина уже тронула виски, лицо покрылось морщинами, которые не появлялись бы, если бы он меньше волновался. В руках он держал конверт — плотный, кремового цвета, с восковой печатью, которую он не сломал.

Рядом, на диване, сидела мать Матвея — Анна. Она вязала что-то — кажется, шарф, — и спицы тихо постукивали, создавая ровный, успокаивающий ритм.

Матвей вошёл и остановился на пороге. Что-то в воздухе было не так — он почувствовал это сразу, тем самым чутьём, которое помогало ему в игре. Отец смотрел на конверт так, будто тот мог его укутить. Мать старательно делала вид, что всё в порядке.

— Ты меня звал? — спросил Матвей.

Василий поднял голову, посмотрел на сына. В его глазах было что-то странное — смесь гордости, страха и надежды, которую Матвей не мог разгадать.

— Да, — сказал он, и голос его был тихим. — Иди сюда. Сядь.

Матвей подошёл, сел на диван рядом с матерью. Анна отложила вязание, положила руку ему на плечо — легонько, чуть заметно.

— Что случилось? — спросил Матвей. — Что-то плохое?

— Нет, — Василий покачал головой. — Нет, не плохое. Просто... — он запнулся, подбирая слова. — Просто важное.

Он протянул сыну конверт. Матвей взял его, повертел в руках. Кремовая бумага была плотной, дорогой, и на ней не было ни марки, ни адреса — только печать из тёмно-синего воска с изображением чего-то, что Матвей не сразу разглядел.

— Что это? — спросил он.

— Открой, — сказал Василий.

Матвей сломал печать. Внутри лежал лист бумаги — тоже плотный, с золотым обрезом, — и на нём ровным, красивым почерком было написано:

«Школа Духа. Приглашение на обучение. Ученик: Матвей Васильевич. Возраст: 10 лет. Дата зачисления: первое марта.»

Матвей прочитал это дважды. Потом посмотрел на отца.

— Школа Духа? — переспросил он. — Что это?

Василий глубоко вздохнул. Он ждал этого вопроса — и боялся его.

— Это... — начал он, — это школа, в которой учатся дети с даром. С особым даром. Ты знаешь, что такое дар?

Матвей нахмурился.

— Ну... это когда кто-то умеет что-то особенное. Как дядя Кирилл. Он видит то, что другие не видят.

— Да, — Василий кивнул. — Дядя Кирилл — директор этой школы. И ты... ты тоже должен туда поехать.

Матвей смотрел на отца, и в его глазах было столько непонимания, что Василий почувствовал, как что-то сжалось в груди.

— Но у меня нет дара, — сказал Матвей. — Я же... я же обычный. Я ничего не вижу. Никаких духов, никаких ангелов. Я даже свечи не чувствую, как ты учил.

Он сказал это без горечи — просто как факт, который давно принял. И это было хуже всего.

Василий встал с кресла, подошёл к сыну, опустился перед ним на корточки. Взял его руки в свои — тёплые, чуть шершавые.

— Матвей, — сказал он. — Послушай меня внимательно. Я хочу, чтобы ты запомнил то, что я сейчас скажу. На всю жизнь.

Матвей кивнул, не отрывая взгляда от отца.

— Дар — это не только способность видеть духов или слышать их голоса, — продолжал Василий. — Дар — это гораздо больше. Это то, что делает человека человеком. Это то, что живёт в сердце.

Он замолчал, собираясь с мыслями.

— Ты знаешь, какой дар был у твоей прабабушки? — спросил он наконец.

— Нет, — Матвей покачал головой.

— Она не видела ангелов. Не слышала голосов. Она вообще ничего такого не умела, — Василий улыбнулся — грустно, тепло. — Но она умела любить. Так, как мало кто умеет. Когда она входила в комнату, всем становилось легче. Когда она говорила с человеком, тот чувствовал, что его понимают. Когда она смотрела на кого-то, тот становился родным.

Он сжал руки сына крепче.

— Это самый высокий дар, Матвей. И самый незаметный. Потому что его нельзя увидеть, нельзя измерить, нельзя доказать. Но он — настоящий. И я думаю... я верю, что он у тебя есть.

Матвей молчал. Смотрел на отца, и в его глазах медленно, неохотно, но всё же начинало разгораться что-то — робкое, как огонёк свечи.

— Ты серьёзно? — спросил он тихо.

— Серьёзно, — ответил Василий. — Ты любишь людей, Матвей. Я вижу это каждый день. Ты помогаешь Серому с уроками, хотя сам не всегда понимаешь. Ты не смеёшься над Алкашом, хотя другие смеются. Ты... ты умеешь быть рядом. И это — дар.

Анна подошла, встала рядом с мужем, положила руку на плечо сына.

— Мы гордимся тобой, — сказала она тихо. — Каким бы ты ни был. С даром или без. Ты наш сын. И мы тебя любим.

Матвей опустил голову. В груди было тесно — как будто там что-то росло, распирало изнутри. Он не понимал до конца, что чувствует, но знал одно: ему хотелось плакать и смеяться одновременно.

— Ладно, — сказал он наконец, поднимая глаза. — Я поеду.

Василий выдохнул — так, будто держал дыхание всё это время. И улыбнулся — по-настоящему, широко, как не улыбался уже давно.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо, сынок.

Ужин в тот вечер был особенным — Матвей понял это сразу, как только вошёл на кухню. Анна готовила его любимое: картошку с мясом, тушёную в чугушке, и пирог с яблоками, который она обычно пекла только по праздникам. По кухне плыл густой, тёплый запах — смесь специй, теста и чего-то ещё, неуловимого, что Матвей всегда связывал с домом.

— Мам, а почему пирог? — спросил он, усаживаясь за стол.

— А почему бы и нет? — Анна улыбнулась, вытирая руки о полотенце. — У нас сегодня праздник.

— Какой?

— Ты едешь в школу, — сказала она просто. — Это праздник.

Матвей хотел возразить — какая же это радость, уезжать из дома, — но промолчал. Что-то в голосе матери было такое, что спорить не хотелось.

Василий вошёл на кухню, неся тарелки. Он выглядел... иначе. Спокойнее, что ли. Как будто с его плеч свалилась гора, которую он тащил десять лет.

— Ну что, герой, — сказал он, ставя тарелки на стол. — Расскажи, как ты сегодня выиграл.

Матвей удивился:

— Ты видел?

— Слышал, как ты кричал, — усмехнулся Василий. — На весь дом.

— А, ну да... — Матвей смутился. — Там просто раунд был сложный. Я его почувствовал.

— Почувствовал?

— Ну да. Понял, где он сидит. Просто... знал.

Василий переглянулся с Анной. Что-то мелькнуло в его взгляде — быстрая, почти незаметная мысль, — но он ничего не сказал, только кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.